

В. Волхонин

Моя хата

Моя хата съ краю.

по сюжету

Цѣна 50 коп.

Св. со. в. СССР - 1973, ч. 1

Львівська державна
наукова бібліотека

1063

„Моя хата съ краю“...

Пришелъ ко мнѣ Катаевъ, Иванъ Петровичъ, съ которымъ я лѣтъ шесть тому назадъ познакомился. Онъ тогда землю въ Полтавской губерніи арендовалъ, и мы съ нимъ, полавливая карасей въ рѣкѣ Удоѣ, встрѣчались—разговаривали. Теперь у него небольшая лавка, въ которой онъ недурно торгуетъ.

— Не помѣшалъ ли я вамъ,—спрашиваетъ,—можетъ, для газеты пишете, такъ я позже найду?

— Нѣтъ, садитесь, Иванъ Петровичъ, я свободенъ. Видъ у васъ что-то не особенно хорошій—болѣли?

— Не то что болѣлъ, я вѣдь въ отца, а тотъ до 90 лѣтъ прожилъ—не хворалъ. А мысли меня, Владимиръ Алексѣевичъ, мучать, бессонница—вѣрите ли—даже взяла.

— Что за мысли, рассказывайте!

— Да вотъ, Владимиръ Алексѣевичъ, жить стало непереносимо. Который ужъ годъ нѣтъ покоя! Съ утра начинается: „газеты,—кричитъ мальчишка,—газеты!“ Сердце по привычкѣ екаетъ—а что тамъ въ газетахъ? Знаю, что все хорошо, прекрасно, можно ска-

вать, на фронтѣ, а все душа неспокойна. Днемъ или подѣ вечерѣ товарищъ зайдетъ; вамъ признаюсь, къ большевикамъ онъ приверженъ. Онъ такого наговорить, что потомъ ложка въ ротъ не лѣзетъ.

Пригорюнился мой гость, призадумался.

— А помните, Владимиръ Алексѣвичъ, прежде время: хорошо тогда было, спокойно. Пойдешь себѣ къ рѣкѣ, тихонько рыбу удишь, за рѣчкой поле твое колосится, дивчата въ саду у Прасковьи Андреевны заплѣли, звонъ доносится церковный изъ Ладина. А теперь что? Не сплю я ночью и думаю: нельзя ли въ самомъ дѣлѣ такъ устроить, чтобы вотъ такихъ, какъ я—ни во что не вмѣшивающихся—вовсе не трогали? Сидимъ мы себѣ смирно, не мѣшаемъ никому. Скажемъ, я, человѣкъ простой, тихій, мухи никогда не обижу—почему же я волноваться долженъ? То товарищъ придетъ—смутить, то въ газетѣ написано—не разберешься, къ хорошему или худому, то, смотришь, объявленія и картинки Добровольческой Арміи висятъ. И всѣ словно зовутъ: а ну, Иванъ Петровичъ, подѣ-ка сюда, разберися! А зачѣмъ мнѣ разбираться или еще вмѣшиваться, если на то пошло, я человѣкъ простой, маленькій—мнѣ бы только, чтобы всему этому скорѣй конецъ пришелъ! Рѣшилъ я къ вамъ зайти, посоветоваться. Въ газетѣ пишете, книги вотъ у васъ лежатъ—можетъ, надоумите: неужто нѣтъ выхода, долго ли намъ такъ маяться?

— О чемъ же васъ надоумить—какъ настоящую тишину и порядокъ добыть или въ серьезъ такъ устроить, чтобы вотъ сейчасъ вы на заваленкѣ могли сидѣть, никто бы васъ не трогалъ, а вы отъ

всего отрещивались: „Моя хата съ краю—ничего не знаю“. Такое теперь на Руси время, что стыдно и противно мнѣ было бы васъ неправдою, словно ребенка сказочкой, утѣшать. Буду я говорить напрямикъ, а если что не понравится—не обезсудьте. Душа-то у меня, можетъ, больше вашего, посерьезнѣе наболѣла.

Знаете ли вы, что такое „нейтралитетъ“? Книжное это слово, и вы его должно быть не слыхали. Значить оно, что когда два или больше государства другъ съ другомъ воюють, другія объявляютъ, что они ни одной сторонѣ помогать не будутъ, не вмѣшиваются. Такъ вотъ въ Россіи тоже теперь развелись „нейтралисты“: ни за Бога они, ни за чорта, ни за правду, ни за кривду, ни за Добровольческую Армію, ни за большевиковъ! Лежатъ они въ деревняхъ на полатахъ, сидятъ, зѣвая, въ городскихъ лавкахъ, ухаживаютъ за дѣвками по вечерамъ возлѣ фабрикъ, ходятъ на концерты и въ своихъ залахъ въ карты играютъ. И всё твердятъ: эхъ, какое время, порядокъ нуженъ, когда все это кончится?

Въ самомъ дѣлѣ думаютъ, что отъ нихъ вреда никакого, и что это самое умное дѣло—не вмѣшиваться,—пусть другіе дерутся, волнуются, призываютъ.

Ну, такъ это неправда, скажу я вамъ, и глупость огромная. Ни у кого теперь въ Россіи нѣтъ и не можетъ быть „хаты съ краю“. Еще двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ одинъ мудрый человѣкъ сказалъ: „Если горить домъ твоего сосѣда, берегись—это твой домъ горить!“

Вы живали, Иванъ Петровичъ, въ деревнѣ, такъ видали: начнется пожаръ—шумъ, крики, бочки ве-зуть, скотина мычитъ, огонь то тухнетъ, то снова красными языками взвивается, а тутъ же немного сбоку стоитъ какой-нибудь Иванъ или Павелъ и разсуждаетъ: вѣтеръ-то не въ мою сторону дуетъ, безъ меня управятся, что мнѣ зря уставать. Но повернулъ вѣтеръ—и нѣтъ ни амбаровъ, ни скота, ни избы,—все пожралъ огонь, все пошло прахомъ, и ходитъ Павелъ или Иванъ съ семьей по городу: „Помогите, православные христіане, погорѣли мы, ничего не осталось!“

Помочь надо, но и обругать, крѣпко обругать слѣдовало бы, сказать: „Самъ виноватъ!“

А теперь по Россіи еще большевистскій пожаръ дымомъ встаетъ, и неосторожно было бы во многихъ мѣстахъ обѣщаніе дать, что онъ никогда не нагрянетъ. Такъ хорошо ли, разумно ли разсуждать:—не въ мою сторону дуетъ!

Водворилась гдѣ-нибудь большевистская власть—городъ ограбленъ, деревня разорена, домъ отъ вашихъ вещей поочищенъ. Ну, а вы сами-то,—ни во что не вмѣшивавшійся, у своей хаты сидѣвшій—въ безопасности?

Будь вы даже самымъ чистымъ и святымъ человѣкомъ, за эту святость на васъ и обрушатся: а ты ею мнѣ—дурному—въ глаза тыкалъ, выше другихъ хотѣлъ бы—такъ попляши теперь на раскаленномъ желѣзѣ, попробуй иглы подъ ногти! Сообразите, Иванъ Петровичъ, нѣтъ ли у каждого изъ насъ случайно или не случайно обиженного имъ, завистника, врага? Отправляется такой человѣкъ къ

предсѣдателю „чрезвычайки“ и говорить: „Катаевъ Иванъ Петровичъ въ прошломъ году офицера у себя укрывалъ“, или: „Иду я, не видно меня за угломъ, а Катаевъ Иванову говорить,—когда же всю эту красную сволочь разгонять“.

Достаточно! Сидитъ Иванъ Петровичъ Катаевъ въ подвалѣ „чрезвычайки“, грызетъ сухую корку, запиваетъ ржавой водой и ждетъ: когда блеснуть фонари, когда палачь-латышъ придетъ его вѣшать.

Пріятно? Спасла васъ ваша „хата съ краю“?

Или вы думаете, что если вы невинны, такъ кому-нибудь у большевиковъ можно пожаловаться, что гдѣ-нибудь у нихъ наверху есть защита, управа? Какъ бы не такъ! Это только одинъ наивный рабочій московскаго узла въ большевистскую газету письмо написалъ: безчинствуютъ, молъ, комиссары, грабятъ да еще грозятъ, вотъ, если бъ товарищъ Ленинъ обо всемъ этомъ зналъ. Знаетъ Ленинъ, давно и прекрасно знаетъ, развѣ можно не знать, что у него подъ носомъ, въ Москвѣ творится?

Злой большевистскій звѣрь вездѣ вливается въ русское тѣло и все жаднѣе тащитъ въ свою берлогу. А народъ на горькомъ своемъ опытѣ научился, что значить жаловаться у большевиковъ. Въ Клину, Тверской губерніи, былъ поставленъ ящикъ для жалобъ на грабящіе „заградительные отряды“—такъ за цѣлый мѣсяцъ никто ни одной жалобы туда не бросилъ! Хорошо научились!

Среди такого безнаказаннаго грабежа, безчинствъ, убійствъ, всей разыгравшейся подлости человѣческой—вы думаете уцѣлѣть со своимъ „нейтралите-

томъ“, если придутъ большевики? Нѣтъ, не уцѣлѣете! Какъ куръ, въ большевистскія щи попадете!

— Я къ вамъ, Владимиръ Алексѣевичъ, за успокоеніемъ пришелъ, а вы меня еще пуще разстроили.

— А что же,—говорю я моему гостю,—я долженъ васъ сказками утѣшать? Есть птица, страусомъ прозывается. Когда ее враги преслѣдуютъ, она, чтобы ихъ не видѣть, голову подъ крыло прячетъ—такъ ей спокойнѣе. Ну и берутъ ее на арканъ, перья ощипываютъ и, какъ вамъ, можетъ, извѣстно, ими дамскія шляпы потомъ украшаютъ. Улыбается вамъ судьба страуса? очень вы его умнымъ считаете?

Вы утверждаете, что мухи не обидѣли, а я вамъ говорю, что изъ-за васъ—вогъ такихъ, построившихъ свою „хату съ краю,—ничего не знаю!“ сотни тысячъ людей пострадали. Не будь васъ, а вѣрнѣе—судѣнія вашего въ норахъ своихъ, вѣроятно, и большевистскаго царства бы не было, не пришлось бы Россіи страдать, а вамъ канючить и хныкать: „Когда же спокойствіе придетъ?“

— Больно вы строги, Владимиръ Алексѣевичъ, точно я большевикамъ помогалъ. Сами же вы мнѣ говорили, что нѣмцы съ большевиками всю штуку устроили. А теперь, оказывается, мы виноваты...!

— Ни отъ какихъ, Иванъ Петровичъ, своихъ прежнихъ словъ я не отказываюсь. Къ октябрю 1917 года, когда большевики рѣшили, во что бы то ни стало, до власти добраться, не такъ уже велики были ихъ силы: среди рабочихъ меньшинство за нихъ стояло, солдатъ они такъ развратили, такъ научили только о своей шкурѣ помышлять, что тѣ и за нихъ, боль-

шевиковъ, не очень охотно собирались свою кровь отдавать. Когда распространился слухъ,—уже послѣ большевистской побѣды—что казанскіе отряды идутъ, такъ петроградскіе полки замитинговали, броневые отряды отказались повиноваться... Вся большевистская побѣда на волоскѣ висѣла. Но казаковъ было мало, а тысячи людей, вмѣсто того чтобы выйти на улицы, въ своихъ домахъ просидѣли. А если бъ они поступили, какъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, все бы пошло по иному!

Въ началѣ іюля того же 1917 года большевики, вѣдь, уже попробовали возстать. Какъ разъ тогда наша армія на фронтѣ бѣжала, а Ленинъ—Троцкій должны были, въ согласіи съ нѣмцами, столицей завладѣть. Но что же произошло? Толпы, безоружныя толпы, но всей массою на улицы вышли, останавливали автомобили и платформы съ бунтующими солдатами и кричали: „Отдавай оружіе! Негодяи! Россію продаете и губите! Слѣзайте сейчасъ, не то на части разорвемъ!“

И слѣзали, отдавали оружіе, дрожали отъ страха, чтобы ихъ не побили!

Во всѣхъ газетахъ объ этомъ писали. А вотъ что въ книжкѣ писателя Максима Горькаго сказано: „На всю жизнь останутся въ памяти отвратительныя картины безумія, охватившаго Петроградъ днемъ 4-го іюля. Вотъ, оцѣтываясь винтовками и пулеметами, мчится, точно бѣшеная свинья, грузовикъ-автомобиль, тѣсно набитый разношерстными представителями „революціонной арміи“. Среди нихъ стоитъ восторженный юноша и оретъ истерически: „Соціальная революція, товарищи!“ Какіе-то люди, еще не успѣвшіе

потерять разумъ, безоружные, останавливаютъ гре-
мящее чудовище и разоружаютъ его, выдергивая
щетину винтовокъ. Обезоруженные солдаты и матро-
сы исчезаютъ въ толпѣ, нелѣпая телѣга, опустѣвъ,
грузно прыгаетъ по избитой мостовой и тоже исчеза-
етъ, словно кошмаръ.“

Значить, въ октябрѣ, дѣйствительно все, иначе
могло произойти и, если въ первую голову винова-
ты большевики, то во вторую—всѣ „нейтралисты“,
всѣ, имѣвшіе оружіе, и всѣ сильные, здоровые люди,
что не вышли массою на улицу, что не поддерживали
своихъ друзей, своихъ истинныхъ защитниковъ!

Виновата и крестьянская, и рабочая Русь, что
безмолвно сидѣла на фронтѣ.

Тяжела вина—и хоть теперь ее надлежитъ иску-
пить. Слышите, Иванъ Петровичъ, вамъ это гово-
рю и тысячамъ такимъ, какъ и вы, по Россіи!

А помогли ли вы Добровольческой Арміи, ко-
гда она была горстью храбрецовъ? Съ вами ли или
безъ васъ она спасала Россію?

— Я, Владимиръ Алексѣевичъ, съ Доброволь-
ческой Арміей всею душой. Только я на фронтъ не
гожусь. Ноги у меня слабы.

— Эхъ, Иванъ Петровичъ, не вы ли полчаса то-
му назадъ здоровьемъ похвастались! Но не одному
вамъ—всѣмъ говорю: кто силенъ, кто здоровъ, кто не
старъ—идите на фронтъ. Ради себя идите, чтобъ не
быть слугой негодяевъ, ради достоянія своего, ради
семьи, чтобы вашей жены и дочери не обезчестили,
ради вашей прежней вины предъ Россіей, ради гря-
дущаго порядка и спокойствія!

А кто не можетъ на фронтъ, пусть служитъ въ тылу, но дѣйствительно служить.

Много есть способовъ и путей помочь тѣмъ, кто сражается.

Кто писатель, пусть служитъ своимъ убѣжденіемъ и словомъ. Пусть промышленникъ въ самомъ дѣлѣ работаетъ на оборону. Пусть купецъ поддерживаетъ своими средствами лазареты, поѣзда, питательные пункты, учрежденія для вдовъ и сиротъ тѣхъ, кто погибъ на войнѣ.

Если вы рабочій, работа должна кипѣть въ вашихъ рукахъ съ гордымъ сознаніемъ, что вы служите Россіи и арміи.

Читаете иногда: отступили, оставили такое-то мѣсто. Но почему?—не потому ли, что не хватило исправныхъ автомобилей для подвоза снарядовъ вдали отъ желѣзной дороги? Не потому ли, что испорченный и недочиненный паровозъ сошелъ съ рельсъ и загромоздилъ пути?

Каждый винтикъ въ машинѣ долженъ быть исправенъ, чтобы она хорошо работала. Всякій изъ насъ теперь такой винтикъ. Нельзя, чтобы одни работали, а другіе бездѣйствовали. Нельзя, чтобы деревня или станица, скажемъ, Ивановка, окончивъ полевые работы, залегла на боковую, нельзя, чтобы хлѣбъ, нужный для большой арміи и для голодающихъ, расточали на „самогонку“. Почему не повеселиться, но не тогда, когда Родина-Россія въ пожарѣ, когда не разбиты еще до конца большевики, и есть у нихъ орудія, и пулеметы, и броневики, и наемная, проклятая, чужая, но еще хорошо дерущаяся армія.

Рано веселиться и не время дремать!

Тамъ—въ Совдепіи, Иванъ Петровичъ, надъ людьми издѣваются, подвергаютъ ихъ пыткамъ. Большевики народъ голодомъ морять, сотни тысячъ людей осуждены изъ-за нихъ умирать медленной смертью. Пусть бабы на базарахъ и дураки по закоулкамъ вѣрятъ, что въ Совдепіи можно жить.

Вотъ, берите газету—ихняя же большевистская, петроградская „Правда“ отъ перваго марта. Читайте: „Работницамъ фабрики (государственной гильзовой) живется очень плохо, жалованья не хватаетъ и, хотя онѣ его получаютъ каждую субботу, до понедѣльника оно уже расходуется“.

Слышите? А въ остальные дни что же работницы должны дѣлать—собою торговать?

Письмо мнѣ вчера прочитали, мать сыну изъ Москвы вѣсть подала: „Ты бы, Саша, меня теперь не узналъ. Ты помнишь меня бодрой, веселой, а стала я маленькой, худой, сморщенной старушкой, съ трясущейся головой. Но не хочу погибать---жду тебя, моихъ избавителей“.

Такъ тоскуютъ и страдаютъ тамъ люди.

А поношеніе большевиками Бога и церкви? Звонъ вы, вотъ, монастырскій изъ Ладина вспомнили, но подумали ли о томъ, что творять теперь пьяныя ватаги съ церквами, какъ большевистская власть издѣвается надъ святынями, которымъ многія поколѣнія русскихъ людей молились и поклонялись.

Извѣстно ли вамъ, что пока не будутъ раздавлены большевики, у Россіи, какъ у нищей, нѣтъ своего голоса въ союзѣ народовъ. Самыя маленькія государства, щенки сравнительно съ Россіей, пока

имѣють больше правъ, чѣмъ она, а ей завидовали прежде и боялись ея великія государства.

И слыша, какъ люди страдаютъ, зная, какъ вѣра наша поносится, какъ Родина наша теперь во всемъ мірѣ унижена,—вы все еще хотите сидѣть на зава-ленкѣ?

Придутъ дурныя вѣсти съ фронта—будете по-ругивать, придутъ хорошія—похваливать? Не нужна Добровольской Арміи ваша похвала, и никому изъ сражающихся за освобожденіе Россіи она не нужна, потому что пуста она, какъ пыль одуванчика, дешева, какъ стертый грошъ!

Но не пеняйте потомъ ни на кого, если проси-дите у своихъ хатъ до конца.

Когда придетъ послѣдняя побѣда, когда осво-бодится отъ большевиковъ все русское государство, тѣ, кто будетъ править въ немъ, о комъ раньше всего подумаютъ? О настоящихъ герояхъ, защитникахъ, освободителяхъ. О нихъ будетъ первая дума, первая забота, а не о тѣхъ, кто ничего не сдѣлалъ, ничѣмъ не помогъ.

Подошелъ я къ моему гостю вплотную.

— Помните вы, Иванъ Петровичъ, одно мѣсто въ Евангеліи? Призвалъ царь на брачный пиръ для своего сына многихъ людей. Но занялись они своимъ собственнымъ малевъкимъ дѣломъ и не по-шли. А были и такіе, что пословъ—царскихъ слугъ оскорбили и убили. Разгнѣвался царь—говорить Евангеліе отъ Матфея—послалъ войска свои и истре-билъ убійцъ оныхъ и сжегъ городъ ихъ. Позвалъ царь другихъ гостей, насталъ пиръ. Увидѣлъ на немъ царь человѣка не въ брачной одеждѣ и ска-

залъ ему: „другъ, какъ вошелъ ты сюда безъ брачной одежды“? И велѣлъ его царь удалить съ пира съ безчестіемъ и наказаніемъ. Почему? Потому, что когда былъ онъ дѣйствительно званъ, то не захотѣлъ отозваться.

Будутъ изгнаны и уничтожены на Руси оскорбители Царя, которому имя—Богъ. И не будетъ одинаковой славы, не будетъ одной награды и тѣмъ, кто проливалъ свою кровь за Россію, кто всѣ силы свои ей отдавалъ, и тѣмъ, кто по слѣпотѣ или трусости просидѣлъ на заваленкѣ.

Всталъ Катаевъ.

— Гнѣвны вы сегодня, Владиміръ Алексѣевичъ. Я лучше въ другой разъ зайду.

— Напрасно! Дѣйствительность отъ моего хорошаго или дурного настроенія не зависитъ. Думаете ли вы, что я въ слѣдующій разъ скажу: сидите себѣ, Иванъ Петровичъ, или какой нибудь Петръ Ивановичъ, никто васъ не тронетъ, все само собою устроится—пусть другіе стараются, о васъ заботятся.

Нѣтъ, не найдется у Родины-Россіи для васъ ласковаго слова, пока не очнетесь, не одумаетесь, пока не поймете слабость и великое неразуміе ваше.

Изъ-за такихъ, какъ вы, Иванъ Петровичъ, затягивается борьба, и держится еще большевистское царство—если-бъ вы всѣ массою встали, большевиковъ бы, какъ комаровъ въ бурю, смело!

Такъ не пеняйте на мое рѣзкое слово. Его вамъ не врагъ говоритъ—врагъ васъ грабитъ, въ подвалы сажаетъ и предъ тѣмъ сладкими словами улепчиваетъ. А я говорю, какъ изъ сердца у меня рвется, какъ старая дружба велитъ. Значитъ, не все мнѣ

равно, что съ вами дѣется, и вѣрю я, Иванъ Петровичъ, что есть у васъ въ груди Божья искра—только приглашена!

Протянулъ мнѣ руку Катаевъ.

— Прощайте, Владимиръ Алексѣевичъ. Взволновали вы меня. На глупыхъ моихъ словахъ и мысляхъ простите.

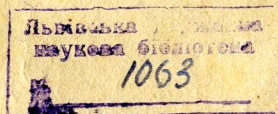
— Прощу, Иванъ Петровичъ, охотно прощу. Но въ дѣлѣ себя покажите.

Ушелъ мой гость, а я рѣшилъ весь мой съ нимъ разговоръ записать.

Можетъ, не одинъ Катаевъ, можетъ, другіе люди тоже задумаются: хорошо ли, умно ли въ такой годъ бездѣйствовать, жизнь вести—„свою хату съ краю“ строить?

Можетъ, встанутъ и они на борьбу, разбудятъ въ себѣ душу живую!

Зато имъ Богъ на небѣ проститъ, а на землѣ Мать-Россія о нихъ не забудетъ!

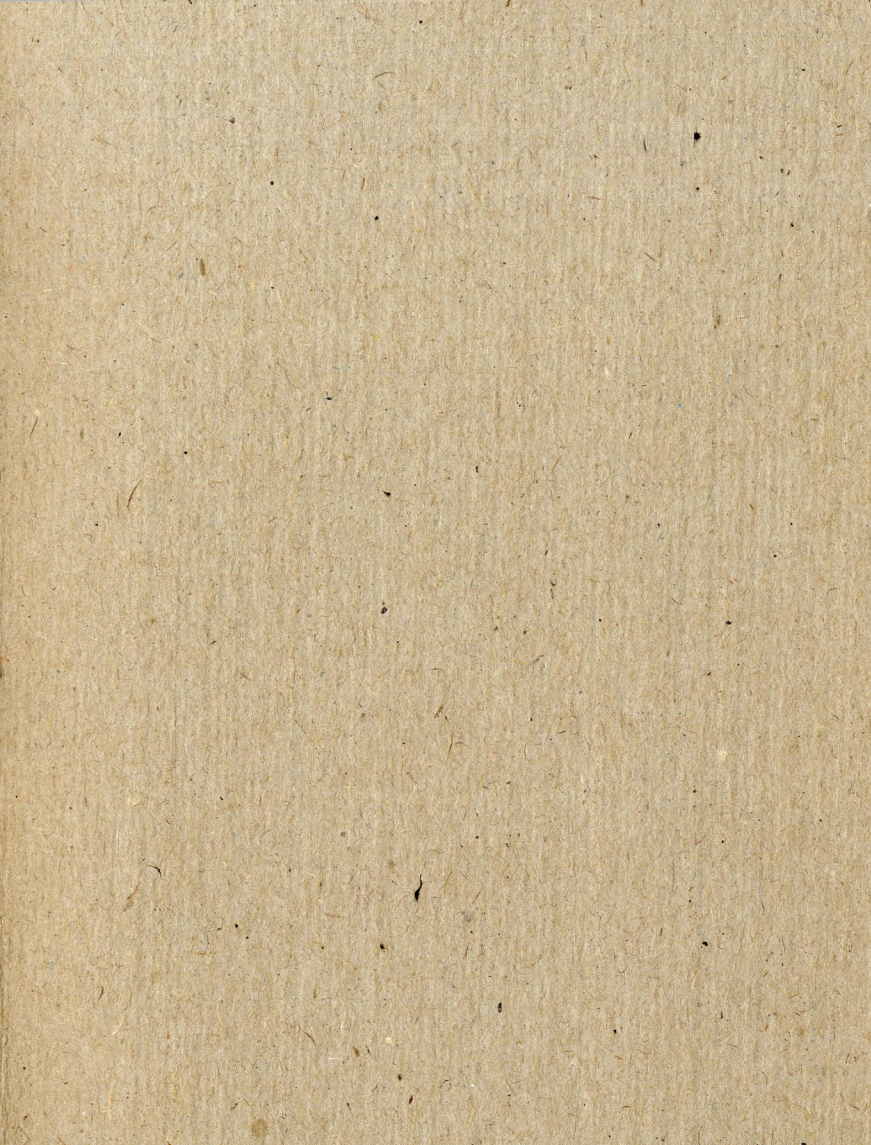
0,45 non

(1986)

pl

1063

РЛ 1063

В. Волхонин

Моя хата